

КОГДА читал — хотелось отчеркнуть, а то и целиком выписать афоризм ли, сатирическое микроэссе, адресованные «научным дамам» обоего пола, так и норовящим подрезать крылья центральному персонажу, гениальному изобретателю Сапожникову. А техника письма: точный эпитет, свежая метафора... И хоть не был ты никогда в том милом патриархальном Калыжине — городке начала тридцатых, где уже легла на плечи мальчика Сапожникова тяга к познанию тайн и болей мира, и хоть не терял ты, как он, друзей под гусеницами танков, и не сходил с ума, ожидая в аэропорту Вику (в руках букет, о, как на склоне наших лет нежней мы любим и суеверней), но и твоя здесь память, твоя боль...

Я благодарен прозаику за свои страницы в его книге. Вряд ли важно, какие именно, тут, как говорится, «очень личное». Важно умение нечто в обыкновенном человеке понять, то есть создать за него и для него.

Как жаль, что на этом уровне не вся вещь! Автором сделано все возможное, чтобы композицию ее запутать, замудрить до такой степени, что наконец отчаиваешься понять, кто есть кто и что после чего происходит. Кто такой, например, Глеб, всю жизнь игравший при Сапожникове роль Сальери при Моцарте и прозревший лишь перед смертью? Что такое первая жена Сапожникова? А Филлидор, первоначально рекомендованный академиком, а потом пониженный в профессор и сам себя называющий профессором даже тогда, когда «академик» прозвучало бы внушительнее — при объяснении со строгим милиционером? И — чтобы уж покончить с Филлидором, фигурой, в общем-то, проходной, — когда и как он успел перековаться?

В романе есть глава, в которой некто Блинов, «законченная сознательная дрянь» (и, насколько можно догадаться, главный инженер шахты), в желянии угодить Филлидору доводит дело до аварии конвейера, в результате которой получает увечье один из друзей Сапожникова. Кстати, совершенно нельзя понять, почему Блинов боится филидорской комиссии больше, чем аварии, кто и зачем подсунул лом, из-за чего не сработал аварийный выключатель; по логике вещей, карьерист Блинов именно аварии больше всего должен бояться, ибо именно такого рода осложнения в послужном списке способны испортить карьеру всеерьез.

Видно, фрукт этот Филлидор! Сначала он разбивает выдвинутую Сапожниковым идею абсолютного двигателя, а потом вдруг заявляет Глебу, что НТР нужны именно такие бунтари против устоявшихся догм, как Сапожников, и становится спутником-поверенным главного героя. Почему? За во-

просом — моя, читателя, любовь к герою и законное стремление понять, что же в этом суровом мире бережет таких, как Сапожников, — непрактичных гениев, печальных рыцарей духовного непокая...

Понимаю, что подобные вопросы к прозаику неуместны, поскольку на последней странице он заявил: моя работа подчинялась «не логике протокола, а логике песни». И вообще, продолжает М. Анчаров, главный герой произведения — Время. И то, что представляется хаотической нескладницей, «галиматьей» (этимология этого слова дана в самом начале романа), на самом деле — уточняет автор — «нелинейная логика» истинно творческого мышления. Так мыслит Сапожников, «дефективный» лишь для этих самых салбери от науки и житейской практики. Что же касается упреков по части композиционной невыстроенности романа, то и их автор предвидит и отвечает на них в специальном теоретиче-

сех с одной хорошей стороны — и довольно... Герой цветет-возвышается среди тщательно распланированной «под природу» клумбы, где все подстрижено «под замысел», где персонажи говорят только «на тему» и живут «на тему».

Вот Вика, поздняя и счастливая любовь Сапожникова, журналистка, похожая «...на старшеклассницу, которой тесна школьная форма». Поскольку родилась она в день гибели Хиросимы, для нее атомная бомба «... была всегда, и потому (выделено мною.— Л. К.) она торопилась жить, торопилась выйти замуж, развестись, торопилась получить профессию...» Ну помилуйте! Люди — если они, конечно, люди, а не литературные гомункулы — совсем не «позтому», не из-за «бомбы» торопятся жить, выходить замуж и т. д. Но не будем слишком много спрашивать с Вики, ибо функция ее в романе — не жить а явиться наградой Сапожникову за всю его многотрудную жизнь: Нюра,

Леонид КОРОБКОВ

КЛУМБА НА ОПУШКЕ

Михаил Анчаров. «Самшитовый лес». Роман. Журнал «Новый мир», №№ 9—10, 1979.

ском экскурсе о «поэтике композиции».

М. Анчаров стремится предвидеть все, что можно сказать или написать о его романе. И комментирует, растолковывает, парирует любой возможный упрек, делает это порой с довольно-таки «линейной» агрессивностью — некоей ученой критикессе на первой же странице достается так крепко, что теперь она уж не пикнет.

Так за видимой непричесанностью стиля, за интонацией простецкой беседы с читателем о том о сем, за доверчивой незащищенностью позиции повествователя возникает несколько иной образ — искушенного профессионала. И вообще не получается образа Жизни — вольно и прихотливо растущего «самшитового леса» (смысл заглавия на предпоследней странице также разъяснен). Он, конечно, угадывается, тот лес, но слишком углубляться в него повествователь избегает. Тот же эпизод с Блиновым — «раскопать» бы его, проследить бы подпочвенные корни вистину темного леса, в котором Блинов остался, по-видимому, хозяином. Но этой цели перед собой автор не ставил; показал героя, Сапожникова.

осмотрев Вику в костюме Афродиты и посоветовав, что гимнастика лишает фигуру стопроцентной женственности, повязывает ей волосы голубой лентой (примеч утонченный вкус Вики не протестует — функция!) и ведет замуж.

Нюра же эта, которая была «проста», верила в оборотней и ни одной книги не прочла, а свои представления о жизни формулировала с довольно примитивной тавтологичностью («хорошо жить — это жить хорошо»), вдруг возьмет и отреагирует на реплику с элегантною столичной интеллектuality-капризули: «...приезжай немедленно! — громко сказала Нюра. — Случилось что-нибудь? — спросил Сапожников — Да! — сказала Нюра. — Мы соскучились». Характера тоже нет, есть функция: быть воплощением «народной мудрости», каковой она представляется повествователю: плюс к тому Нюра — образный эквивалент формулы «тело твое есть высший разум».

В романе вообще все главные персонажи обмениваются репликами удивительно впад, непрерывно и удачно острят, фехтуют парадоксами, старательно оригинальничают.

ЧИТАЯ ЖУРНАЛЫ

Сапожников по воле автора предается этому занятию в самом нежном возрасте. Он, например написал в анкете: «Соцпроисхождение — обыватель» (это в начале тридцатых-то годов!) Анахронизм: разумеется, явный. Но он нужен для того, чтобы вложить в уста матери Сапожникова философское размышление о различии между

шлой обломовщиной: «В России талант главное... Либо все классики врали, когда писали о России, либо всякий искусственный динамизм — это не Россия». И не верю я, что фронтовик Сапожников всеерьез верит, что фашисты — только шизофреники, кататоники и параноики, как следует из его датированного 44-м годом «письма к себе». Значит, только больные люди, только лечить их?

Как же все-таки объяснить появление в романе таких и многих подобных, произносимых на полном серьезе... несообразностей? Думается, что одно может быть объяснение: и центральный герой — не характер, не лицо, не личность, сформировавшаяся в определенное время и в определенной стране, а голый повод для абстрактных упражнений ума, «переломленного» высшим образованием.

И еще Сапожников суть чисто техническое средство для того, чтобы прозаик мог высказать свои взгляды на проблему всемирного тяготения (его, оказывается, не существует), на способ лечения рака, на космологию, теорию антропогенеза, проблему «абсолютного двигателя» и т. д. и т. п. Популярно изложены «через Сапожникова» также основы атлантологии — науки уж вовсе замечательной, поскольку предмет ее утонул в Атлантическом океане 11000 лет назад...

А жизнь, герой-современник, его настоящие заботы и боли — о них М. Анчаров написал в других книгах — остались на сей раз за обрезом журнальных страниц. Они прорываются, хоть и с трудом, сквозь строки книги. Но книга, сделанной, собранной, сконструированной и потому не горячей, а лишь разогретой Книги, сделанной из «книжного» материала. Поэтому-то столь много в «Самшитовом лесе» самоизъяснений, оговорок, уточнений. Живой «лес» искусства тронут здесь болезнью, имя которой — формализм. Ох, и прилипчивая же болезнь...

ВОРОНЕЖ

ЛЕОНИД КОРОБКОВ (02.08.1938 — 24.03.2015)

По материалам сайта воронежского журнала «Подъем» (<http://podiemvrn.ru>) а также справочника:

Сергей Чупринин. Новая Россия: мир литературы. Энциклопедический словарь-справочник в двух томах. Том1. — МОСКВА, ВАГРИУС 2003.

Леонид Дмитриевич Коробков — литературный критик и публицист. Родился в Воронеже, окончил монтажный техникум, затем государственный Воронежский университет. Трудовую деятельность начинал на заводе «Эникмаш» в качестве сотрудника конструкторского бюро. Основную часть своей жизни он занимался журналистским и литературным творчеством — работал корреспондентом газеты «Молодой коммунар», редактором отдела критики и литературоведения журнала «Подъём», редактором художественной литературы Центрально-Черноземного книжного издательства. Некоторое время занимал должность консультанта главы администрации Воронежской области.

Как журналист и писатель Леонид Коробков выступал в газетно-журнальной областной и центральной прессе со статьями и эссе по проблемам литературы, культуры и искусства, а в постсоветский период в своих публицистических произведениях резко критиковал непродуманные реформы в общественно-политической и хозяйственной жизни новой России. Он также запомнился многим воронежцам как резкий и страстный оратор на городских митингах левой оппозиции в девяностые годы.

Член Союза Писателей с 1981 года. Автор нескольких сборников литературно-критических статей, изданные в Воронеже и Москве: «Неотложное слово. Художественная литература — публицистика: параллели и пересечения» (Воронеж, Центрально-Черноземное изд-во, 1988); «На подступах к поступку. Литература «производственной» темы и жизненная позиция читателя» (М., «Современник», 1988).